

Лучший жанр для пандемии¹

Русская литература не могла измениться в пандемию.

Русская литература не могла не измениться в пандемию.

Не могла измениться — по разным причинам. Ковид запер людей в своих квартирах, но писатели, как правило, и без того на улицу особо не выходят. Вот, скажем, Джордж Мартин, как только в марте 2020 года был объявлен карантин, объявил, что теперь будет сидеть дома и дописывать сагу «Игра престолов». И это вызвало повышенный интерес, стало медийным поводом, поскольку от Мартина именно этого давно и ждут. Но пока не дописал.

Кроме того, ковид столкнул человечество с экзистенциальными вопросами, а писатели от них и так далеко не ушли. Поэтому среагировали очень быстро, никакого ощущения культурной паузы не было. Отряд быстрого реагирования составили поэты и драматурги. Первые поэтические подборки на ковидную тему появились уже в марте. Кроме того, пандемия вдохнула новую жизнь в стихотворение Бродского «Не выходи из комнаты...». В апреле вышла «Пьеса для двенадцати Голосов (субличностей) в самоизоляции» Романа Осминкина, чуть позже — пьеса Евгения Водолазкина «Сестра четырех».

Есть, однако, еще один жанр быстрого реагирования, которому удобно в современном медиапространстве. Это эссе. Оно удобно тем, что легко соединяет в себе злобу дня и литературу в самой концентрированной ее форме. Эссе — это танец мысли, что роднит этот жанр с поэзией («танец»), но и не дает оторваться от прозы («мысль»). Родовое свойство

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

эссе — оригинальность: это детектор нескучного. Оно повествует как раз про то, что НЕ может не измениться.

Эссеист с 40-летним стажем Александр Генис ведет колонку в «Новой газете» и пишет туда о чем хочет, умея подружить факт и метафору. В 2020 году оказалось, что именно такой наблюдатель такому году и нужен.

Речь пойдет о «карантинном» цикле Гениса. Дитя газеты, он рождался на глазах у читателей. Первый текст под названием «Болезнь как метафора» вышел 19 марта 2020 года, всего текстов оказалось четыре. Осенью они приобрели не только тематическое, но и композиционное единство, попав под одну обложку сборника «Кожа времени». Там им самое место, потому что этот сборник весь посвящен переменам и современности. «Труднее всего — узнать, услышать, разглядеть, ощупать, заметить, поймать и приколоть к бумаге настоящее. У всех на виду и как раз поэтому не всегда заметное, оно превращает нас в современников и оставляет следы на коже. Как татуировка», — объясняет Генис. В «Коже времени» коронавирусные тексты собраны в мини-цикл «Карантин».² Наконец, 12 марта 2021 года в «Новой газете» вышло пятое эссе, которое можно считать промежуточным итогом темы, — «Год сурка».

Каждое эссе описывает аспект жизни, который неизбежно изменила пандемия. Вместе с тем эссе — не репортаж, тут авторское «Я» на первом месте, так что неудивительно, что название первого текста **«Болезнь как метафора»** больше говорит не о ковиде, а о писательском методе Гениса. Лучше всего его когда-то описал критик Лев Данилкин: «У Гениса, как у его любимца Павича, есть инстинкт — заткать попавший к нему в поле зрения предмет паутиной собственных метафор, упаковать его в афоризмы житейской мудрости и сдать на склад предметов, имеющих культурную ценность».³ Плетение этой стилистической паутины любопытно и само по себе. Единица генисовского текста — парадокс, единица фразы — выносливая метафора. «Пир во время чумы начался с туалетной бумаги — она кончилась». Или: «Вирус работает с исправностью буддийских наставлений. Он требует жить осознанно, как монахи, а не механически, как все остальные».

Даже если афористически-плотный стиль Гениса кажется нарочитым, нельзя не признать, что тема и метод совпали как нельзя лучше. Будто отвечая Данилкину, Генис в этом эссе объясняет: «Дело в том, что нам легче справиться с вызовом судьбы, если в нем находится хоть какой-нибудь смысл, оправдывающий ее. Вставив выходку рока в подхо-

² Здесь и далее тексты этого цикла цитируются по изданию: *Генис А.* Кожа времени: Книга перемен. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020.

³ *Данилкин Л.* [Рец. на: *А. Генис.* Трикотаж] // Афиша. 2002. 20 марта. ([Режим доступа] <https://www.afisha.ru/book/337/review/146088/>, 12.10.2021).

дящий контекст, мы избавляемся от произвола ничем не заслуженного наказания». И вот уже найдена главная метафора: «В тотальной презумпции виновности, которая изолирует города, страны и континенты, кроется центральная метафора пандемии: расколотый глобус».

Жанру Гениса идет его русский перевод — «опыты». В современном языке у этого слова тройное значение: 1) «пробы пера», 2) «испытанные события и переживания», 3) «эксперименты». В случае Гениса работают все три смысла. Про первое, то есть про литературную изнанку его сочинений, мы уже сказали. «Испытанные переживания» составляют, собственно, содержание текстов. Из этих переживаний в первую очередь важны те, которые карантин заставил переоценить, — телесные. Этому посвящены:

- эссе **«Катализатор»** — про то, как быстро работа и учеба перешли в онлайн, вызвав «подспудную ностальгию по языку тела»;

- эссе **«Меню чумной весны»** — про то, как, ограничив визиты в супермаркеты, пандемия заставила вспомнить о дефиците советских времен: «Осознав масштаб перемен, я вспомнил прошлое и отдался ему. Спрятавшись от вируса на кухне, я перешел на новую диету: пир объедков». Кстати вспоминается и колобок как символ кулинарной нужды; так называется другая книга Гениса, соединяющая две его страсти — кулинара и путешественника.

- Как ни странно, путешествиям в карантинном цикле тоже находится место, но недалёким — эссе про поездки по маленьким городкам Нью-Джерси так и называется: **«В часе езды»**. Это опыты в смысле «эксперименты», но географические: «Когда в Нью-Йорке стало плохо, я обернулся на Запад, но не дальний, а ближний — в часе езды. Обстоятельства сделали из меня краеведа». Краеведение тоже окутано паутиной метафорических смыслов и замкнуто на игру слов: «Подглядывая в замочную скважину за локальной историей, мы подражаем не фауне, а флоре: пускаем корни медленно и надолго».

Кстати, «Меню» не может не напомнить давний рассказ Татьяны Толстой «Желтые цветы». Их сближает и ключевой нарративный прием (рецепт как портрет иной действительности), и тематика — «меню застоя». У Толстой в рецепте салата «Мимоза» (а точнее — в саркастическом описании невероятных трудностей, с которыми добывались продукты для его приготовления) отражаются брежневские времена: «Вот всё это — консервы, талоны на зефир, очереди с детьми, мечты, чтобы не в масле, а в собственном соку, — всю эту эпоху, как я ее возненавижу? — никак, это моя жизнь, я ее прожила. Только “Мимозу” ненавижу, за всё, за всё, пусть ответит за всё».⁴

⁴ Цит. по: Толстая Т. Легкие миры. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014.

Генис благодуще: необязательный, даже небрежный, диктуемый коронавирусными обстоятельствами состав блюд компенсируется аппетитной выразительностью их описаний. «Вопрос с десертом решают оладьи по-королевски. Ради них я никогда не допиваю бутылку кефира — от старости он, как все мы, только злее. Выливаем его в миску, всыпаем муку, ложку разрыхлителя, оставшиеся яйца, размятый банан (подгнивший даже лучше), немного сахара, а лучше меда, чуть соли, стопку оливкового масла и лениво взбиваем вилкой, а не блендером. Всыпем сушеную клюкву, вишню или чернику, введем тонко нарезанные яблоки, заранее присыпанные сахарной пудрой, добавим натертую цедру от заваливавшегося с Нового года мандарина, размозженные орехи и всё, что с ними рифмуется, вроде шоколадной крошки. Важно съесть эти поистине королевские оладьи обжигаящими со сметаной, или вареньем, или патокой, но обязательно с чаем». Как и положено в эссе, «как описано» — важнее, чем «что описано». Как говорится, смакуешь детали.

Наконец, 12 марта 2021 года, спустя год после объявления пандемии, Генис подвел ей итог — неизбежно предварительный, что, опять-таки, соответствует неокончательной природе жанра. Этому тексту под названием «**Год сурка**» предпосланы строки Малларме: «Плоть опечалена, и книги надоели. / Бежать...». Но минорный тон эпиграфа — лукавство. Автор «карантинного» цикла вовсе не пессимист, тем более что и бежать ему некуда. Об этом и эссе. Вирус, беспорядки в американских городах и президентские выборы не смогли отменить монотонности частной жизни, на которую Генис, впрочем, не слишком сетует: «Каждое утро я просыпался, как в фильме “День сурка” — проверяя, не приснилась ли мне эта повторяющаяся до одури ситуация. И это при том, что, в сущности, мне не на что жаловаться. Все любимые со мной: жена, коты, работа. Одна библиотека ждет на первом этаже, вторая — на экране, третью я сам пишу».

Эта бодрящая интонация очень ценна: литература живет чувством драмы, но в эссе это лишь одна из красок. Этот жанр питает энергия любопытства, в случае Гениса — неиссякаемого: отправившись на городской ипподром на прививку и отстояв огромную очередь, он не забывает спросить медбрата, куда дели лошадей, а вернувшись домой, заключает: «Ковид, как всякое сильное потрясение, оказался бесценным инструментом познания. Благодаря ему мы узнали много нового — о себе, стране, детях, взрослых, стариках, о страхе, о времени и — больше всего — о скуке». Но и о скуке Генис умеет сказать нескучно.

Про пандемию уже пишутся романы, в том числе теми, от кого этого ждали. Владимир Сорокин десять лет назад рассказал про фантазмагорическую эпидемию в повести «Метель»; неужели мог промолчать теперь? Нет: сиквел «Метели» под названием «Доктор Гарин» был начат

весной 2020-го, а уже через год обсуждался критиками. Но не роман будет главным жанром пандемии. Она сама по себе — слишком исключительное событие, чтобы требовать еще и прививки вымысла. Здесь в пору другой метод — метод не только Гениса, но и Вайля-и-Гениса, выработанный соавторами еще 40 лет назад и позже емко описанный в мемуарах: «Мир нельзя придумать, мир нельзя описать, но его можно сгустить, как осенний свет в витраже. Нам не нужно придумывать персонажей, достаточно выбрать из тех, что есть. Нам не нужна экспансия вымысла, достаточно углубить, что дано, и окружить неизвестное».⁵

Вот и секрет афористической плотности, соединившей вирус и буддистских монахов, пир во время чумы и ревизию холодильника. Генис постоянно ловит реальность на неожиданном впечатлении, опуская подробности охоты за ним. Его интересует только небанальное, от которого один шаг до смешного или хотя бы остроумного, даже если шутит сама природа. Поэтому хронику 2020 года приятнее слушать в умеренно-оптимистичной версии Гениса, нежели в мрачно-апокалиптической версии Сорокина. Этому времени нужен свой толкователь, и пусть лучше он будет в хорошем настроении.

⁵ Цит. по: *Генис А. Обратный адрес: Автопортрет*. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2016.